

ВОЙНА, КОТОРУЮ МОЖЕТ ВЫИГРАТЬ учитель истории и литературы

Темыр Айтчевич Хагуров,
*профессор Кубанского государственного
университета, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН, доктор социологии*

В конце мая этого года мне пришлось участвовать в работе двух круглых столов, посвящённых 150-летию окончания Кавказской войны. Этой важной дате власти Краснодарского края уделяют внимание, что совершенно оправдано. Отношения Кавказа и России прошли долгий и сложный исторический путь — путь от войны к совместному государствовоительству, путь, наполненный трагическими и великими поражениями и победами. На Кубани, исторически соединившей Кавказ с Россией, это ощущают особенно сильно.

- история и литература • этносы Великой России • Кавказская война
- общий язык • война с собственной историей

Начну с того, что представляется социологу наиболее важным: а зачем вообще специально вспоминать в настоящем прошлое?

Классический и полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова —

Цицерон и Пушкин. Древнеримский оратор сформулировал кредо исторической прагматики: «История — учительница жизни». Великий русский поэт выразил основы исторической метафизики:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

*Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш отчий край — пустыня,
Душа — алтарь без божества.*

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность», то есть способность сохранять себя, своё «Я», свои корни, ценности в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

На примере страдающей братской Украины наглядно видно, к чему может привести история: она становится тараном, разрушающим общество и государство, и прежде всего в лице *молодёжи*, воспитанной на исторических мифах. Молодёжи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивной молодёжи, остервенело бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости», стоят совсем другие — взрослые, умные, холодные и злые люди. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

В этой же статье мне бы хотелось порассуждать скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы. Однако начну размышления об этих

проблемах со смысла и значения уже упомянутой даты — годовщины 150-летия окончания Кавказской войны.

Подобный разговор должен быть одновременно и искренним, и объективным, поэтому нужно сразу сформулировать три принципиальных положения. Первое касается настоящего: мы — этнические кавказцы и русские, так же как и татары, и башкиры, и удмурты, и калмыки, и прочие этносы Великой России, — один народ. Мы — имперский народ, россияне или русские, в том значении, как о нас говорят на Западе и во всём мире — «the Russians». Второе: великие имперские народы складываются не сразу, не без проблем, этот процесс никогда не бывает гладким и безболезненным. Третье: будучи единым народом, мы можем по-разному относиться к нашему общему прошлому.

Теперь собственно о Кавказской войне, воспоминания о которой стали поводом к этим размышлениям. Точек зрения на Кавказскую войну и её последствия сегодня много. Кто-то тяготеет к «чистой истории», пытаясь идти путём хронографирования фактов и событий. Кто-то — к истории политизированной, спекулируя на прошлом.

Основных версий политизированной истории две, и связаны они с чрезмерной героизацией или с чрезмерной трагедизацией Кавказской войны. К первой тяготеют некоторые представители казачества, ко второй — некоторые представители горских народов. И мне представляется, что в сегодняшней противоречивой российской действительности обе эти версии одинаково плохи: служение пышных молебнов и прославление побед, с одной стороны, так же исторически неправильно, как и стенания о «геноциде» и «восстановлении исторической справедливости» — с другой. И то, и другое разрушает единство нашего настоящего в угоду избирательно принимаемому прошлому.

Да простят меня все мои соотечественники, придерживающиеся иной точки зрения, лично мне — адыгу, профессионально знакомому с историей своего народа (выпускнику исторического факультета) и социологу в одном лице, представляется, что Кавказская война была трагичным, болезненным, противоречивым и часто нелепым, но **необходимым** этапом формирования исторической России. Кавказ не сразу и не просто, болезненно и трудно, но вошёл в великую семью российских народов. И в этом, в конечном счёте, благо как России, так и Кавказа, неотъемлемой её части. Неслучайно этому отчаянно сопротивлялись все геополитические противники России — от Англии, Франции и Османской Империи тогда до современных США, истово желающих ревизировать итоги Кавказской войны.

Но верно и другое. Будучи едины в нашем настоящем, мы сегодня с очень разными акцентами воспринимаем далёкое и одновременно близкое прошлое Кавказской войны. Для горцев воспоминания о войне в первую очередь трагичны, ведь война ими была проиграна. Да, они вошли в состав Империи, да, многие потом служили в императорской гвардии, но бесстрашные и воинственные, воспитанные на идеалах воинской доблести и чести, войну они *проиграли*. Для русских, пришедших на Кавказ, и для казаков, как авангарда этого процесса, всё наоборот — они *выиграли*. Это нужно понимать, с этим нужно считаться, и этот расклад обстоятельств и их последствий требует особой исторической и политической *деликатности*. Нужно понимать, что горские и русские, казачьи герои Кавказской войны находились по разные стороны баррикад. А значит, восхищение мужеством и доблестью одних равно воспоминаниям о поражениях и вдовьих слёзах со стороны других. Это историческая правда, и её нельзя игнорировать, иначе по-разному понимаемая правда становится объектом политических спекуляций, чему примеров в постсоветских реалиях на Кавказе предостаточно. Недоучёт этой правды и требуемой ею деликатности вполне может привести нас к трагедии, аналогичной украинской.

С каких позиций, в каком ключе, и — главное — для чего вообще нужно вспоминать исторические события нашего прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе — «нашего»

общего прошлого. Это замечание выводит нас на более глубокий вопрос: а что вообще создаёт из разных этносов, с их собственной историей и культурой, единый великий имперский народ? Народ, способный создать великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и останавливать фашизм. Способный построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку у самой мощной экономики мира. Что создаёт такие народы?

Ответ прост. Любой народ создают две важнейшие скрепы: *общий язык* и *общая история*. Это историческая аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования.

«Скелеты» и «жемчужины» истории

История всегда сложна и неоднозначна. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма — как отдельных людей, так и целых наций и государств. В шкафах истории любой страны множество и «скелетов» и «жемчужин». Во всех странах, претендующих на политико-историческую самостоятельность, существуют две версии истории — публичная и архивная. Первая преподаётся в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая — объект интереса профессиональных историков и в публичное пространство попадает редко. Цель истории публичной (школьной) — прежде всего, научить будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память,

«любовь к отеческим гробам», объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. А должна ли школьная история упоминать о «скелетах» — исторических трагедиях и ошибках? Она это делает, но деликатно, расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему — Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли как строительницы мирового могущества Великобритании. Вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники делают акцент на просветительской «миссии белого человека», воспетой Киплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно так же в американских школьных учебниках вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов, не акцентируя внимания на её экономико-политической подноготной, и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в XIX веке поистине массовые формы и приведшем почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» — удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что всегда сопровождается скандалом и общественным резонансом.

Трагедия России

Наша страна — единственная в новейшей истории, пережившая *войну с собственной историей*, которая была развязана во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов. Суть этой войны заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались как собственные, так и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все неоднозначные моменты истории трактовались в обвинительном и обличительном духе.

На разрушении «священных камней» СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» Сталина и Берии, перешли к глумлению над народными героями — З. Космодемьянской, А. Матросовым, А. Стахановым... Пока одни обсуждали вопрос о канонизации царской семьи, другие смаковали (публично!) «интригу» императрицы с Распутиным. В поле истерично злобного обсуждения оказались и Екатерина II, и Иван Грозный, и другие персонажи российской истории, а затем и *русская история вообще*. Вдруг выяснилось, что мы, великий имперский народ, подаривший человечеству богатейшие сокровища культуры, народ, жертвенно остановивший фашизм, — какие-то исторические недоумки, заслуживающие лишь одного — учиться у «цивилизованного» мира. Итогом этой «войны с историей» у нашего великого народа стали симптомы *культурно-исторической шизофрении*.

Может, я сгущаю краски? Но откуда тогда взялась страшная фраза, гулявшая в 1990-е годы по нашей стране, которую мне приходилось слышать и в Москве, и во Владимире, и в Калининграде, и на Кубани, и на Кавказе: «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!». Её повторяли часто и много, в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное — народ, утративший благоговение к «отеческим гробам», начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом из публичной истории как-то ушло понимание того, что эти противники всегда существовали и продолжают существовать. Что Россия всегда, с трудом преодолевая их яростное сопротивление, несла свою весть миру. Что война с Россией велась всегда на фронте военном и гуманитарном. Что с этими противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские политики и гуманитарии: и Александр Невский, и Дмитрий Донской

и Сергей Радонежский, и Иван Грозный, и старец Филофей, и Пётр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и М. Горький, и Н. Островский, и И. Сталин, и многие-многие другие великие политики и гуманитарии государства Российского. Русская весть миру всегда была *востью о смысле и милосердии*, напоминанием о том, что не хлебом единым жив человек и что не может он быть счастлив, если ближне-му плохо. Именно об этом буквально кричала вся русская классическая литература.

Политические противники России

Они всегда были и никуда не делись. Никакого единства в современном мире нет. В мире идёт острая борьба за ресурсы и смыслы. Идёт война между глобальными мировыми центрами силы не просто за сферы влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилизации» и «мирном сосуществовании», сколько имела фашистская пропаганда об «освобождении народов России от коммунистического ига» с реальной практикой действий нацистов на территории СССР. Или после Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и Украины ещё кто-то верит в добрых заокеанских консультантов, бескорыстно несущих «отсталым» народам сладкую конфету демократии и процветания? Если есть, то несчастен и жалок, а отнюдь не блажен, кто верует, ибо не понимает очевидного: иракский, ливийский, сирийский, украинский колокол звонит по нам.

Сегодня мы видим, как заканчивается историческое безумство 1990-х. Страна, презревшая свои святыни, хочет к ним вернуться. Мы вновь хотим гордиться своим прошлым и настоящим. Это значит, что нам сообщается нужно изживать последствия «войны с историей» и вызванной ею историко-культурной шизофрении. Такое выздоровление не бывает лёгким. И чтобы объяснить свою мысль, приведу одну развёрнутую метафору.

Общество и государство часто сравнивают с семьёй, что пошло ещё от Аристотеля. Эта аналогия во многом верна, справедлива она и в отношении исторической памяти. В иудейской, христианской и исламской традициях фундамен-

том отношения человека к Богу, ближним и себе самому является Декалог — Десять Заповедей. Среди них есть очень важная для любой семьи пятая заповедь: «Почитай отца и мать». Заповедь эта в равной степени относится к семье малой и к семье большой — государству.

Представим, что живёт большая семья, которая, как и положено семье, имеет свои семейные предания, семейную героику, семейную мифологию. Мифология такая ничего не имеет общего с обманом. К примеру, отец, в молодости сорвиголова и озорник, добившись многого честным и жертвенным трудом, поучая своих детей, вспоминает свои трудовые подвиги, а отнюдь не хулиганские проделки. Аналогично и мать, которая с годами стала уважаемой матроной, поучая дочерей, рассказывает им о верности и терпении, а не об ошибках молодости. И тут представим, что появляется некто злой и вкрадчивый и говорит ребёнку: «А ты знаешь, что твой папа вовсе не такой правильный, как он тебе рассказывает? А мама ваша, та вообще... Я тебе про них и не такое расскажу... Ты знаешь, что они всегда хуже к тебе относились, чем к брату (сестре). А других твоих братьев они вообще в детдом отдали...».

Иными словами, этот злой и вкрадчивый начинает *искушать* детей. Это *искушение Хама*, готового видеть пороки отца своего и смеяться над ними. В Библии и Коране показано, что для тех, кто поддастся этому искушению, есть справедливое наказание — родительское проклятие. Реакцией на подобное искушение может быть реакция Хама, смеющегося над наготой отца своего, а может быть реакция его братьев, сознательно отвернувшихся и не захотевших (из любви, а не из глупости!) видеть срамоту отца своего.

Предположим, что этот кто-то злой и вкрадчивый подловил детей на «желании знать правду», да только заодно с правдой выложил им кучу лжи

и наветов: «Мол, папа ваш не только, бывало, воровал, но и людей «мочил», и девушек насиловал. А мама, та не просто нескольких кавалеров до свадьбы имела, но и вообще была лёгкого поведения. А братика вашего они попросту съели в голодные годы». Какой будет естественная реакция большинства детей этой несчастной семьи на такие «откровения»? — Глубокий психологический шок, вызванный расщеплением сознания (между тем, что знал с детства, и тем, что услышал от злого незнакомца), ведущий напрямик к шизофрении, это вам любой психиатр подтвердит.

Разумеется, индивидуальная психологическая устойчивость каждого из детей своя. У кого-то сразу «съедет крыша». Кто-то начнёт «заливать» горе. Кто-то порвёт с семьёй и уедет в далёкие дали — «век бы вас не видеть». Но одно совершенно точно: тот, кто согласился послушать коварного незнакомца и жадно внимал его рассказам, *жить по-прежнему уже не сможет никогда.*

Теперь представим, что эти несчастные и глупые дети, хлебнув горя порознь и поняв, что злой незнакомец их коварно обманул, чтобы ограбить, решили вернуться к родителям и вновь жить большой семьёй. Им будет непросто это сделать: помимо собирания хозяйства им нужно будет, во-первых, лечиться — от алкоголизма, от эгоизма, от шизофрении, а во-вторых, восстанавливать веру в свои общие корни, в отца и мать. Им нужно будет передать своим детям веру, которую они когда-то утратили.

Мы привели эту аналогию, весьма условную, чтобы проиллюстрировать сказанное о «войне с историей» и её последствиях. Сегодня нам нужно вместе эти последствия преодолевать. Это сложный и долгий процесс. Но очень важно сменить хамское «правдолюбие» на почтительную сыновью деликатность и любовь, отводящие глаза от грехов родителей. Или, переходя от языка притч к языку социологии, нужно восстановить нормальную публичную историю.

Здесь нам предстоит преодолеть всякого рода сложности. В период войны с нашей общей большой историей региональные власти, пытаясь хоть как-то сохранить «чувство корней» у молодёжи, историческую идентичность, сделали ставку на краеведение. Во всех школах всех регионов повышенное внимание уделялось истории региональной — в надежде, что это позволит сохранить чувство Родины у детей и юношества. Эта краеведческая модель истории помогла нам пережить лихолетье и не утратить своих корней.

Однако в этой модели есть и свои риски — риски забывания большой Родины. Сегодня очевидно, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» — историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории.* Модель с акцентом не на краеведение, а на общую историю великой страны, историю, примиряющую киевский, московский, петербургский, советский и постсоветский периоды нашей истории. Историю, основанную на бесценных «жемчужинах», а не «скелетах», историю, воспитывающую любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных уродцев, страдающих комплексом исторической неполноценности. Это требует внимания к истории на уровне федеральном, уровне общегосударственном, и предполагает соответствующие изменения в учебных планах и в учебниках.

Возвращаясь к истории Кавказской войны, скажу, что лично мне наиболее адекватным её описанием в учебниках представляется то, в котором акцент будет сделан на изначально мирном движении Кавказа и России навстречу друг другу и роли стратегических конкурентов России (Англии, Франции, Турции, Австро-Венгрии и др.) в разжигании и провоцировании той войны. Взгляд на ту войну, как на трагическое недоразумение, порождённое объективной необходимостью, поможет преодолеть крайности и соблюсти ту самую деликатность, без которой *общая* история невозможна.

Язык народа — его литература

Вторая важнейшая скрепа, объединяющая нации народности в один большой народ, — это язык. Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это единство образов и метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык — хранилище смыслов и образов.

Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, является язык великой русской литературы, представляющей собой одну из величайших вершин мирового литературного творчества. Не следует сводить великую русскую литературу к её «золотому веку» — уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с творениями Горького, Шолохова и Шукшина в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Гамзатова, и пронзительная проза Айтматова, и (говорю, как адыг, с особой гордостью!) сочная и реалистичная проза Керашева — как и другие произведения этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы — поистине язык интернациональный, вобравший в себя и помогший выразить свою правду всем без исключения народам и этносам нашего общего дома — государства Российского.

Но нужно понимать, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы

и ценности. Ведь именно язык является их хранителем.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет *четыре* мощнейших и сокрушительных интервенции. Первая — интервенция криминального сленга (по-научному «арго», в просторечии — «феня»), захлестнувшего страну в конце 1980-х — начале 1990-х. На фене заговорили вдруг все — студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» стали обыденностью нашего языка. Это небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институционализованная кинематографом и другими массмедиа. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком вполне приличных парней-студентов и милостивых девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы — «блатная» идеология, «понятия». Суть этой идеологии часто «замыливается» в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным криминальным фольклором (из серии «голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста — это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварью дрожащей». Идеология эта проникла и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и в подростковые компании, и в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников.

Вторая травмирующая язык интервенция — интервенция англицизмов,

хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контролинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» стали словами-маркерами, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». Заимствуя и активно используя англоязычный бизнес-сленг, мы признаём одно печальное обстоятельство — русский язык перестаёт быть языком современности, им стал английский, причём в коробящем слух людей, получивших классическое инязовское образование, варианте «American-English».

Третья интервенция — интернет-сленг, буквально взорвавший русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями — как в письменной, так и в устной речи.

В итоге — резкая примитивизация выразительных средств актуального языка молодёжи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащённый матом и бизнес-терминами.

Самой страшной была четвёртая интервенция, связанная с трансформацией самой литературы и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между «чёрным» отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь. Всё смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. ... На место психологической прозы приходит патопсихологическая»¹.

¹ Ерофеев В. «Русские цветы зла».

В этих словах очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не Интернетом и кинематографом, ибо они вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет тонкий западный интеллектуал У. Эко в своей статье «От Интернета к Гуттенбергу»². Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи — инверсии героев. На смену традиционному герою — «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой — симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодьями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но развёрнутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной статьи, а то и книги.

Что делать?

Вновь обратимся к конструктивному вопросу, извечно волнующему русскую интеллигенцию. Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Нам всем вместе нужно реанимировать глубоко травмированную историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и ведётся до сих пор. Это война, которую чётко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпываемая этими взрывами, а имеющая множество более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что это та война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель — учитель истории и литературы. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть в одиночку. Ему нужно адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, — народная любовь и поддержка. **НО**

² Эко У. От Интернета к Гуттенбергу.